

Патрушев Сергей

ВРАТА ВРЕМЕНИ:
ИГРА С СУДЬБОЙ

18+

Сергей Патрушев

Врата времени: Игра с судьбой

«Автор»

2026

Патрушев С.

Врата времени: Игра с судьбой / С. Патрушев — «Автор», 2026

Гениальные изгои Николай и Алиса строят машину времени в подвале, замаскированную под душевую кабину. Спасая свои жизни, они запускают цепь катастроф: «Эффект Вертера» требует плату — одну жизнь за две. Пытаясь обмануть Вселенную, герои лишь множат боль, превращая любовь в одержимость, а науку — в пытку. Когда спасение становится убийством, а попытка исправить прошлое рождает чудовищ, им остаётся лишь один выбор: сжечь саму ткань реальности или пожертвовать тем единственным, ради чего стоит жить.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Душевая в подвале	5
Глава 2. Правила игры	10
Глава 3. Тень Анастасии	18
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Врата времени: Игра с судьбой

Глава 1. Душевая в подвале

Запах жженой изоляции и застарелой сырости бетонного подвала стал для Николая родным. Он въелся в поры кожи, в дешевую хлопковую ткань его футболки, в сами легкие, и теперь Николай, кажется, выдыхал его вместе с углекислым газом. Двадцать девять лет, метр девяносто два роста, которые состояли из острых локтей, коленей и выпирающих ключиц. Его тело было чертежом, схемой, на которой экономили стройматериалы. Худой, нескладный, с вечно сбитыми в хвост длинными русыми волосами, он напоминал механическую цаплю, собранную энтузиастом в гараже.

Его руки, сейчас намертво вцепившиеся в перфоратор, были единственным, что в нем не выглядело хрупким. Узкие, с узловатыми суставами и въевшейся под ногти графитовой смазкой, они двигались с пугающей, почти хирургической точностью.

— Ты давишь на коронку, Коля. Ты ее просто сожжешь, — голос Алисы прозвучал у самого его уха. — Расслабь кисть. Позволь инструменту делать свою работу.

Николай вздрогнул. Он настолько слился с гулом дрели и вибрацией бетона, что перестал воспринимать девушку как отдельный объект. Алиса. Двадцать пять лет. Сто шестьдесят пять сантиметров концентрированного презрения к законам физики, человеческой анатомии и здравому смыслу.

Там, где у нормальных людей была жировая прослойка, у нее была кость и сухожилие. Стройная до прозрачности, с острыми плечами и ключицами, которые хотелось прикрыть ладонью, чтобы не порезаться. Но главным был не ее истощенный вид. Главным было лицо.

Огромные, чуть раскосые глаза цвета мокрого асфальта, в которых не было ни капли усталости, только сухой, математический интерес. Идеально прямой нос, упрямый подбородок и губы, которые она поджимала в тонкую бледную нить каждый раз, когда Николай совершал ошибку. Сейчас она стояла на коленях прямо в грязной луже на бетонном полу, ее тонкие пальцы направляли его руки, и от нее пахло озоном, дешевым растворимым кофе и чем-то неуловимо цветочным, словно в этот стерильный бункер случайно залетела капля весеннего сада.

— Я не давлю, — просипел Николай, чувствуя, как пот щиплет глаза. — Я центрирую вектор. — Ты ломаешь алмазное напыление, — отрезала она, и ее пальцы на его запястье сжались с силой, которой Николай никак не мог ожидать от этого хрупкого создания. — Вынимай.

Он послушно вытащил застрявшую в бетоне алмазную коронку. На победитовых зубьях дымилась серая пыль. — Сектор «Гамма» заблокирован, — констатировала Алиса, даже не глядя на испорченный инструмент. Она уже смотрела сквозь стену. — Нам нужно пройти еще сорок сантиметров. За этой преградой — старая ливневая канализация. Идеальный глушитель. Если мы не отведем акустический резонанс туда, на фазе синхронизации нас просто размажет по стенам их энтропийной отдачей.

Николай молча взял новую коронку. Их секретная лаборатория располагалась на минус третьем уровне заброшенного еще в девяностые научно-исследовательского института. Когда-то здесь проектировали сверхмощные насосы для охлаждения реакторов. Теперь толстые свинцовые кабели, похожие на мертвых удавов, свисали с потолка, а воздух дрожал от гула трансформаторной будки, которую они незаконно запитали от городской сети.

Помещение, в котором они находились, когда-то было комнатой отдыха для дежурной смены. От него остались желтые от табачного дыма обои, свисающие лохмотьями, и ржавый остов бильярдного стола. Но центр комнаты занимало нечто совершенно чужеродное.

Это была душевая кабина. Самая обычная, дешевая акриловая душевая кабина из строительного гипермаркета, купленная по акции. Прозрачные стенки с дешевым рисунком пальм, белый пластиковый поддон, стандартная лейка на хромированной штанге. Внутри — пластиковая полочка, на которой сиротливо стоял флакон с надписью «Шампунь 3 в 1».

Единственное, что выдавало истинную суть этого объекта — то, что скрывалось под акрилом. Алиса, не вставая с колен, отползла в сторону и открыла технический люк в полу. Оттуда пахло ледяной канализационной водой. — Давление в контурах охлаждения? — бросила она, проверяя хомуты на толстых гофрированных шлангах, уходящих от основания кабины в черную пасть люка. — Девятнадцать атмосфер, — отозвался Николай, бросив взгляд на манометр. — Падает. Смазка в подшипниках главного ротора закипает. Если мы не начнем в течение десяти минут, графитовая смазка превратится в кокс, и ротор заклинит. — Значит, у нас есть десять минут, — спокойно сказала Алиса. Она поднялась, отряхивая колени, хотя на черных джинсах не было ни пылинки. — Запускай первичную откачку. Я иду калибровать эмиттеры.

Она подошла к кабине и без малейшего колебания шагнула внутрь, прямо в пластиковые тапочках. Захлопнула за собой полупрозрачную дверцу. Николай остался снаружи. Он подошел к главному щиту управления — старому компьютерному корпусу, из которого были выдраны все лишние детали, а внутрь впаяны десятки плат собственной сборки, опутанных паутиной МГТФ-проводов. Монитор, защищенный куском оргстекла, светился командной строкой Linux.

Его пальцы забегали по клавиатуре. `$ sudo ./initiate_primary_pump.sh Initializing primary vacuum pump... Pressure drop initiated. Current pressure: 760 mmHg... 500... 200... 50...`

Внутри кабины Алиса стояла совершенно неподвижно. Она не смотрела на ряды тумблеров и сенсорных панелей, встроенных в стенку. Ее взгляд был устремлен на флакон с шампунем. — Николай, — ее голос из-за пластика и гула насосов звучал глухо. — Напомни мне массу объекта. — Сто сорок два грамма, — не отрываясь от монитора, ответил он. — Полиэтилен высокой плотности. Объем — сто пятьдесят кубических сантиметров. Плотность ноль девятьсот сорок семь. Идеальный контрольный образец. Не содержит ферромагнетиков, не искажает локальное гравитационное поле. — Коэффициент преломления? — Один и пятьдесят одна сотая. — Введи поправку на термодинамику. Температура воды в контуре — восемнадцать градусов. При фазовом переходе в ноль-точке возникнет микро-конденсат. Он даст погрешность в массе. — Уже ввел. Поправка на испарение — ноль ноль ноль три грамма.

Николай ввел последнюю команду. `$ ./sync_chronal_field --target=-86400 --mass=0.142 --vector=stable Chronal field generator: online. Rotor RPM: 0... 10,000... 50,000... 100,000... Resonance frequency: building... 4.2 GHz... 7.8 GHz... 12.1 GHz...`

Кабина начала вибрировать. Сначала это была легкая дрожь, передающаяся через бетонный пол. Затем задрожал воздух. Пластиковые стенки кабины покрылись сеткой тончайших, как волос, трещин, хотя акрил был ударопрочным. Внутри, за спиной Алисы, воздух начал сгущаться. Это не был туман от пара. Это была абсолютная, геометрически выверенная чернота.

Она не поглощала свет — она просто отсутствовала. Пространство за пластиковой полочкой с шампунем перестало существовать. — Николай, — снова позвала Алиса. Ее голос был абсолютно спокоен. — Переключай на контур «Б». — Контур «Б» нестабилен! — крикнул он, глядя на пляшущие графики. — Там утечка в криогенной секции! Если мы дадим на него нагрузку, жидкий азот выплеснет в роторную! — Переключай, — отрезала она. — По моим расчетам, энтропийный пик наступит на три секунды раньше. Нам не хватит мощности контура «А», чтобы пробить барьер. Мы просто сварим подшипники. Переключай.

Николай стиснул зубы. Его палец завис над клавишей «Enter». Если она ошиблась в расчетах хотя бы на долю процента, обратная волна энтропии пройдет через кабину. Она не убьет их мгновенно. Она просто начнет «разматывать» их молекулы в обратном порядке. Сначала

распадутся сложные белковые связи, потом — химические, потом они превратятся в первичный бульон, а затем — в чистую энергию. Но он знал Алису. Она не ошибалась в расчетах.

— Есть, — выдохнул он, ударив по клавише. \$./switch_coolant_loop --B Warning: Leak detected in sector 4. Loop B: Active.

Гул трансформаторов сменился на пронзительный, бьющий по зубам визг. Вибрация стала такой сильной, что монитор перед Николаем пошел мелкой рябью. Внутри кабины Алиса закрыла глаза. Пространство за ее спиной окончательно потеряло форму. Пластиковый флакон шампуня, стоявший на полочке, вдруг поплыл. Он не упал. Он медленно, сантиметр за сантиметром, начал смещаться в сторону абсолютной черноты. — Синхронизация на девяносто восьми процентах, — доложил Николай, считывая данные. — Девяносто девять... Сто. Пиковая мощность. — Сброс, — скомандовала Алиса.

Николай ударил по большой красной кнопке на выносном пульте. Визг оборвался так резко, что у него зазвенело в ушах. Вибрация исчезла. Воздух в комнате стал тяжелым и плотным, как вода. Тишина. Только гудение насосов охлаждения, прогоняющих закипевшую смазку по трубам в ливневую канализацию.

Алиса стояла внутри кабины, тяжело дыша. На ее бледном лбу выступили капельки пота. Она не смотрела на полочку. Ее взгляд был прикован к цифровой шкале хроно-счетчика, встроенной в стену. — Статус объекта? — хрипло спросила она. Николай перевел взгляд на тепловизор, подключенный к системе. — Объект отсутствует в текущей временной линии, — ровным голосом произнес он. — Тепловой след в точке материализации равен температуре окружающей среды.

Он ждал. Сейчас, в эту самую секунду, должен сработать протокол подтверждения. Если машина просто испарила флакон, датчики зафиксируют аномальный скачок энергии. Если она отправила его в никуда — датчики покажут ноль. Прошло десять секунд. Двадцать. Минута. — Аномалий нет, — наконец сказал Николай. — Энергетический баланс закрыт с погрешностью ноль ноль два.

Алиса медленно выдохнула. Она протянула руку, взяла с полочки флакон — точно такой же, с той же этикеткой «3 в 1» — и повертела его в пальцах. — Это не он, — сказала она тихо. — Это дубликат из запаса. Она открыла дверцу и вышла. Ее ноги в промокших тапочках подкосились, и она непременно упала бы, если бы Николай не подхватил ее. Он был выше почти на голову, и Алиса, уткнувшись лбом в его ключицу, вдруг показалась ему совсем маленькой и невесомой. — Мы сделали это, — прошептала она в его футболку. — Мы, черт возьми, пробили барьер. Сто сорок два грамма. Назад. На сутки.

Николай стоял, боясь пошевелиться. Он чувствовал, как бешено колотится ее сердце — не от страха, от колоссального выброса адреналина. Он вдыхал запах ее волос, озона и этого невозможного цветочного аромата. — Законы термодинамики плачут в углу, — сказал он, пытаясь вернуть голосу привычную иронию, чтобы скрыть дрожь в руках. — Мы только что нарушили закон сохранения массы-энергии. — Мы его не нарушили, — она отстранилась, подняла на него свои серые глаза, и в них плясали безумные, счастливые искры. — Мы просто перевели его в другую систему координат. Точнее, в ту же, но с другим вектором времени.

Она забрала у него флакон и поставила его на край компьютерного корпуса. — Один флакон, Коля. Сто сорок два грамма пластика. На двадцать четыре часа назад. — И сожженный ротор, — добавил он, кивая на панель, где мигал тревожный оранжевый диод. — И три литра смазки, которые теперь покоятся в канализации под городом. И счет за электричество, от которого у районного прокурора случится инфаркт. — Это детали, — отмахнулась Алиса. Она подошла к доске, висевшей на стене — куску крашеной фанеры, покрытому трехэтажными формулами, схемами ротора и графиками искривления пространства. В самом центре доски жирным красным маркером была обведена одна строка: $E = mc^2 / \sqrt{1 - (v^2 + t^2)/C^2}$ \$. — Детали — это то, что мы починим. Главное, что переменная «t» перестала быть константой.

Она обернулась к нему. — Следующий этап — живая материя. Слова повисли в тяжелом, пахнущем озоном воздухе. Николай перестал улыбаться. — Белковая структура, — медленно проговорил он. — Тепловой контур. Пульс. Сознание. Ты представляешь, какая энтропийная отдача будет от крысы? Не говоря уже о человеке. Наш контур «Б» выгорит к чертям. Мы получим не перемещение, а хорошо прожаренный стейк. Или фарш, размазанный по всем ста годам существования этого подвала. — Значит, нам нужен контур «Ц», — спокойно ответила Алиса. — С активным гравитационным демпфером. — Алис, на разработку и сборку контура «Ц» уйдет год. У нас нет ни денег на титановые сплавы, ни допуска к лабораториям, где их варят. У нас есть старый НИИ, ворованное электричество и долг перед барыгой, который поставляет нам редкоземельные магниты.

Он подошел к ней вплотную. Рост позволял ему смотреть на нее сверху вниз, но сейчас он чувствовал себя так, словно это она нависала над ним — огромная, неумолимая сила, перемалывающая законы Вселенной. — Мы отправили кусок пластика, — тихо сказал он. — Это величайшее открытие со времен расщепления атома. Мы можем прямо сейчас написать статью, получить Нобелевскую премию, стать самыми знаменитыми физиками столетия. Мы можем выйти из этого подвала.

Алиса смотрела на него долго. Счастливые искры в ее глазах погасли, сменившись привычной холодной сталью. — Выйти? — переспросила она. — Чтобы нас закрыли в золотой клетке Пентагона? Или Росатома? Коля, ты правда думаешь, что технологию, способную отправить массу в прошлое, оставят в руках двух фриков из подвала? Тебя разберут на атомы, чтобы посмотреть, как работает твой мозг. Меня разберут, чтобы посмотреть, как я смогла собрать эту машину из мусора. Нет.

Она сделала шаг назад, увеличивая дистанцию. — Мы не отдадим это никому. Мы пойдем до конца. — До какого конца, Алиса? — голос Николая дрогнул. — Ты хочешь отправить туда человека. Ты хочешь сама шагнуть в эту кабину. Что, если ты не вернешься? Что, если ты материализуешься внутри бетонной плиты? Или в открытом космосе? Или просто застрянешь между секундами, вечно падая в никуда? — Значит, я стану первым человеком, который шагнул в вечность, — она пожала плечами с пугающим безразличием. — Но я не думаю, что это случится. Математика на нашей стороне.

Она подошла к кабине и провела ладонью по запотевшему, покрытому сеткой микротрещин акрилу. — Мы отправим туда крысу, — сказала она, не оборачиваясь. — Белую лабораторную крысу. Я уже заказала контейнер с автономной системой жизнеобеспечения. Мы встроим в него маячок на сверхдлинных волнах. — Который сторит в первую секунду перехода, — обреченно закончил Николай. — Значит, мы сделаем его из того, что не горит.

Она развернулась. В ее лице не было ни тени сомнения. Только бесконечная, холодная, как уравнение, уверенность. — Идем, — сказала она. — Смазка в роторе остывает. У нас есть около часа, пока насосы не заклинит окончательно. Начнем чертить схему контура «Ц». И, Коля... Она впервые за весь вечер слабо, почти незаметно улыбнулась уголком губ. — Спасибо. За то, что не нажал на «А». Если бы ты не переключил на «Б», мы бы сейчас собирали твои зубы со стен.

Николай почувствовал, как предательский жар заливает шею и уши. Он прокашлялся, отводя взгляд. — Я просто доверяю твоим расчетам, — буркнул он, возвращаясь к обгоревшему компьютерному корпусу. — Кто-то же должен быть голосом разума в этом сумасшедшем доме.

Алиса тихо рассмеялась. Звук ее смеха, звонкий и живой, впервые за долгие месяцы заставил глухой бетонный бункер казаться не склепом, а колыбелью.

Они проработали до самого утра. Серая пыль от бетона смешивалась с сизым дымом канифоли. Николай паял платы, его длинные пальцы, несмотря на тремор от усталости, двигались безошибочно. Алиса сидела на перевернутом ведре, поджав под себя ноги, и покрывала

рулоны миллиметровки формулами. Иногда она вскакивала, подбегала к кабине, что-то измеряла лазерной рулеткой, бормоча себе под нос числа, и снова возвращалась к расчетам.

В пять утра, когда небо за вентиляционной шахтой начало сереть, Николай разогнул затекшую спину. — Алис, — позвал он. — Посмотри на это.

Он указал на осциллограф. Синусоида на экране была идеально ровной. — Мы стабилизировали контур «Б», — сказал он. — Если добавить три радиатора от старых видеокарт и перейти на жидкостное охлаждение не только ротора, но и статора, мы снимем еще пятнадцать процентов термальной нагрузки. Алиса подошла, заглядывая через его плечо. Она положила подбородок ему на макушку, обнимая сзади, и долго смотрела на пляшущую зеленую линию. — Пятнадцать процентов, — повторила она. — Этого хватит, чтобы удержать крысу.

Николай замер, боясь спугнуть момент. Он чувствовал тепло ее тела, ровное дыхание у себя на голове. В этом промерзшем, провонявшем озоном подвале, среди горелых проводов и чертежей, способных уничтожить мир, он был абсолютно, невыносимо счастлив. — Сначала починим ротор, — сказал он, осторожно накрывая ее руки своими. — А потом начнем убивать крыс во имя науки. — Звучит как план, — согласилась она, не разжимая объятий.

Первый флакон шампуня «3 в 1» все так же стоял на краю компьютерного корпуса. Простой кусок пластика, который вчера еще не существовал в этом времени. Николай посмотрел на него, потом на Алису, затем на душевую кабину, ставшую вратами в невозможное. Законы физики действительно плакали в углу. А два гения-изгоя, вооруженные паяльником, ворованным электричеством и безумием, только что заставили Вселенную подчиниться их воле.

Старые насосы в подвале монотонно гудели, прогоняя сквозь трубы будущее. [words: 2998/

Глава 2. Правила игры

Белая лабораторная крыса по кличке Вертер сдохла на семнадцатом часу эксперимента.

Она не взорвалась, не превратилась в облако ионизированного газа и не застыла ледяной скульптурой. Она просто перестала дышать. Маленькое серо-белое тельце обмякло в прозрачной акриловой колбе автономного модуля, датчики жизнеобеспечения которой показывали идеальные сто процентов. Температура, пульс, уровень кислорода — все было в зеленой зоне. Кроме одного: время внутри колбы остановилось.

— Порог исчерпан, — голос Алисы звучал так же ровно, как и двенадцать часов назад, когда они только начали отсчет. Она сидела на лабораторном табурете, неестественно прямая, и смотрела на график деградации нейронных связей. — Сто сорок четыре часа. Плюс-минус две минуты.

Николай стоял, опираясь руками о край стола, и смотрел на крысу. Семнадцать раз они отправляли Вертера назад ровно на одни сутки. Семнадцать раз они «перематывали» его существование, стирая из реальности целые сутки его жизни.

— Шестнадцать итераций прошли идеально, — Николай потер воспаленные глаза. От мерцания мониторов и постоянного запаха озона у него начиналась мигрень. — На семнадцатой — каскадный отказ митохондрий. Клеточная память обнулилась. — Не обнулилась, — поправила Алиса, не отрывая взгляда от графиков. — Она схлопнулась. Белковая структура имеет предел пластичности. Представь старую киноплёнку. Если прогнать ее через проектор один раз — она целе. Если прогнать сто раз — она покроется царапинами. Если заставить ее крутиться в обратную сторону с той же скоростью, эмульсия просто осыплется. Вертер исчерпал свой лимит. Его биологический «хронометраж» закончился.

Николай подошел к колбе. Бедный грызун. Он был для них не просто подопытным. За эти дни они привыкли к его пisku, к тому, как он смешно умывается лапками, когда они доставали его из кабины для забора крови. — Значит, мы бессмертия не получили, — констатировал Николай. — Никакой петли, никакого «Дня сурка». У каждого живого существа есть жесткий счетчик. Мы можем отматывать его назад, исправляя ошибки, но общее количество прожитых секунд остается неизменным. — Мы получили нечто лучше бессмертия, — Алиса наконец повернула голову. В ее серых глазах не было скорби по крысе, там горел холодный огонь аналитика. — Мы получили право на отсутствие сожалений. Мы можем отменить любую фатальную ошибку. Но только одну. Или много мелких. Главное — не превышать суммарный объем отката. Хочешь спасти человека от пули? Пожалуйста. Это будет стоить тебе, скажем, трех часов из твоего общего биологического лимита. Хочешь отменить падение империи? Это будет стоить тебе пятьдесят лет. И когда твой счетчик обнулится — ты просто перестанешь существовать. Рассыплешься в пыль прямо на месте.

Она встала, подошла к душевой кабине и провела пальцем по одной из микротрещин на акриле. — Мы называли это «Эффектом Вертера», — тихо сказала она. — Закон сохранения биологического времени. Природа не терпит пустоты, Коля. И она не терпит лишних секунд.

Николай молчал. Математика была безупречна. Элегантна, как и все, что придумывала Алиса. Но за элегантностью формул скрывался холодный ужас. — Нам нужно проверить это на человеке, — сказал он.

Алиса замерла. Ее плечи едва заметно напряглись. — Нет. — Алиса, это логично. Мы не знаем, каков лимит у *Homo sapiens*. Может, это те же сто сорок четыре часа. А может — тысяча. Или десять тысяч. Мы не можем строить теорию на одной мертвой крысе. — Я сказала нет, — она обернулась. Ее голос стал стальным, тем самым тоном, которым она приказывала ему переключить контур охлаждения, рискуя их жизнями. — Я не позволю тебе стать вторым Вертером. — Речь не обо мне, — Николай выдержал ее взгляд. — Речь о тебе.

В подвале повисла тяжелая тишина, нарушаемая лишь гудением трансформаторов. — Ты гений, Алиса, — продолжил Николай, стараясь, чтобы его голос звучал ровно. — Ты собрала эту машину из мусора. Ты рассчитала кривизну времени на обороте салфетки. Но ты не инженер. Ты не спала уже вторые сутки. Твои руки дрожат от кофеина. Если ты сейчас начнешь паять контур «Ц», ты перепутаешь полярность, и мы потеряем не только титан, мы потеряем стабильность поля. — Я не перепутаю. — Перепутаешь. И я не смогу тебя починить, когда твоя нейронная сеть расплавится. Я — твоя страховка. Я — тот, кто должен нажать на кнопку, если что-то пойдет не так.

Алиса смотрела на него долго. Затем ее лицо медленно, мучительно расслабилось. Она опустилась на край бильярдного стола, который они использовали как верстак. — Я боюсь, Коля, — сказала она совсем другим, тихим голосом. — Не смерти. Я боюсь, что мы шагнем туда, а на той стороне окажется не наша вчерашняя лаборатория. Я боюсь Парадокса. — Математика исключает Парадокс, — тут же отозвался Николай, подходя к ней. — Мы не создаем новую ветку. Мы не переписываем историю Вселенной. Мы просто меняем точку входа в одну и ту же временную линию.

Это как перемотка кассеты. Мы стираем кусок записи, но сама лента остается прежней. Нет никаких расщеплений реальностей. Есть только мы, наш подвал и наша память. — Память — самое слабое звено, — она подняла на него глаза. — Что, если при переходе сгорает не только плоть, но и энграммы? Что, если мы шагнем в кабину, выйдем из нее через секунду, и ты согласишься на меня и спросишь: «Кто ты такая?». — Тогда мы вернемся еще на час назад и попробуем снова, — Николай попытался улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Алиса, мы загнали себя в этот подвал. Мы вне закона, вне науки, вне социума.

У нас нет пути назад, в мир нормальных людей. Если мы не убедимся, что эта штука безопасна для создателя, мы никогда не сможем ее использовать. Мы так и будем сидеть здесь, отправляя в прошлое дохлых крыс и украденный со склада флакон шампуня, пока за нами не придут люди в погонах или пока у нас не перегорит последний транзистор.

Алиса закрыла лицо руками. — Если со мной что-то случится... — начала она. — Я отмотаю время назад, — закончил за нее Николай. — До того момента, как мы решили проводить тест. Я просто не буду тебе этого предлагать. Ты даже не вспомнишь об этом разговоре. Я ничем не рискую. Мой лимит — это твой лимит.

Он протянул ей руку. — Доверься мне. Как ты доверилась тогда, в контуре «Б».

Она смотрела на его ладонь — узкую, с длинными пальцами и въевшейся грязью. Затем медленно вложила в нее свою — холодную, почти прозрачную. — Хорошо, — выдохнула она. — Но правила устанавливаю я.

Подготовка заняла три дня.

Это были самые страшные и самые осмысленные семьдесят два часа в жизни Николая. Они не спали. Они ели холодный растворимый лапшу прямо из пачек, запивая его обжигающим кофе, от которого сводило скулы. Алиса писала протокол. Это был не просто список действий. Это была симфония из формул, учитывающая гравитационный градиент подвала, влажность воздуха, фазу луны и даже расписание движения поездов на ближайшей ветке метро, вибрации от которых могли дать погрешность в микросекунду.

— Правило первое, — диктовала она, расхаживая между стеллажами с оборудованием. — Объект должен быть изолирован. Никакой одежды с металлическими пуговицами, никаких колец, часов, зубных пломб из амальгамы. Металл создает локальные искажения поля. Мы не знаем, как они сработают при разрыве континуума. — Я разденусь, — просто сказал Николай.

Алиса на секунду запнулась, мазнув по нему взглядом, и тут же вернулась к бумагам. Ее лицо снова стало непроницаемой маской. — Правило второе. Никакой жидкости. Вода в организме имеет колоссальную теплоемкость. При фазовом переходе в ноль-точке она может сра-

ботать как линза, сфокусировав энтропийный выброс на внутренних органах. Мы введем тебя в медикаментозную дегидратацию. Двадцать четыре часа без воды. — Я выживу. — Правило третье. Психологический якорь. Твое сознание — это самый сложный объект во Вселенной. Чтобы оно не распалось на базовые частицы, тебе нужно за что-то держаться. Выбери самое яркое, самое стабильное воспоминание. То, что ты не забудешь, даже если твой мозг превратится в творог. Держись за него, пока поле не стабилизируется.

Николай задумался. Он перебрал в голове формулы, схемы ротора, лицо Алисы, когда она смеялась над сдохшей крысой. — Наш первый флакон шампуня, — сказал он. — Тот, что стоит на корпусе. Сто сорок два грамма пластика. Момент, когда мы поняли, что пробрили барьер. Это воспоминание идеально. В нем нет эмоций, которые могут исказить поле. Только чистый, сухой факт: это работает.

Алиса кивнула, записывая что-то в блокнот. — Принято.

На четвертый день они начали.

Николай сидел на стуле посреди комнаты. Он был абсолютно обнажен. Его кожа, обычно бледная, приобрела сероватый оттенок от обезвоживания. Он чувствовал себя хрупким, как осенний лист. Алиса ввела ему в вену на сгибе локтя катетер. — Сибазон, — сказала она, нажимая на поршень шприца. — Легкий транквилизатор. Уберет базовую тревогу. Твой пульс не должен скакать. — Ты тоже будешь голой? — спросил Николай, наблюдая, как по руке разливается приятное тепло, а гул трансформаторов становится мягким и убаюкивающим. — Я буду в комбинезоне, — сухо ответила она. — Я остаюсь здесь. Я — оператор. Если ты застрянешь, я должна буду вытащить тебя, отмотав время для нас обоих. На мне комбинезон из чистого хлопка, без единой металлической нити.

Она подошла к кабине и начала проверять герметичность стыков. — Я захожу, — голос Николая стал чужим, замедленным из-за препарата. — Входи, — кивнула Алиса.

Он поднялся. Его качнуло. Мир вокруг казался сделанным из плотного желе. Он шагнул в душевую кабину. Пластиковый поддон был холодным. Алиса закрыла за ним дверцу. Теперь их разделял только мутный акрил. Она выглядела как астронавт, провожающий шаттл в последний путь. — Якорь, — напредила она. — Шампунь, — прошептал Николай. — Запуск через десять секунд, — ее голос в динамике внутренней связи звучал глухо. — Девять... восемь... Вспоминай его. Вспоминай, как он исчез. Семь... Ротор на разгоне. Шесть... Пять... Держись за него, Коля. Не отпускай.

Николай закрыл глаза. Он видел перед собой пластиковый флакон. Глупый, дешевый, с дурацким рисунком пальмы. Символ их триумфа. — Четыре... Три... Синхронизация...

Воздух в кабине стал густым. Николай почувствовал, как волосы на его теле встают дыбом. Это было не электричество. Это было само время, сдирающее с него кожу. — Два...

Он перестал чувствовать пол под ногами. Гул ротора, который он слышал сквозь наушники, ушел в инфразвук, а затем превратился в пронзительный, невозможный звук, который слышали не уши, а кости черепа. — Один... Сброс!

Мир вспыхнул ослепительно белым светом, не имеющим источника. Николая не было. Он не чувствовал ни рук, ни ног, ни сердца. Он был чистой мыслью, точкой в абсолютном нигде. Он падал, хотя падать было некуда. Вокруг него с треском ломалось пространство. «Шампунь», — мысленно закричал он, цепляясь за воспоминание, как утопающий за соломинку. «Сто сорок два грамма. Пластик. Пальма. Работает».

А потом свет исчез.

Николай сделал судорожный, хриплый вдох. Он стоял в той же душевой кабине. Он открыл глаза.

Вокруг была темнота. Он пошевелил пальцами. Руки были на месте. Он ошупал лицо. Нос, глаза, губы — все цело. Он чувствовал ледяной холод пластикового поддона босыми ступнями. — Алиса? — позвал он.

Тишина. Глухая, ватная тишина. Не было гула трансформаторов. Не было гудения насосов. Николай ударил ладонью по пластику. — Алиса!

Он рванул дверцу. Она поддалась с трудом, присосавшись из-за разницы давлений. Он вывалился из кабины. Подвал был пуст.

Нет, не пуст. Он был *другим*. Не было стеллажей с электроникой. Не было верстака из бильярдного стола. Не было осциллографов и горы пустых пачек от лапши. Стены были свежеевыкрашены в казенный салатовый цвет. Под потолком горела одна тусклая лампа дневного света, издавая тихий, раздражающий писк. На полу не было бетонной пыли. Там лежал серый советский линолеум.

Николай стоял посреди абсолютно чистого, стерильного подвального помещения, освещенного мертвенным светом, голый, дрожащий от холода и адреналина, и его разум отказывался принимать реальность. Он посмотрел на свои руки. Они были чистыми. Ни следа графитовой смазки, ни мозолей от паяльника. Ногти аккуратно подстрижены. Он поднес руки к лицу. Кожа была гладкой. Он не чувствовал привычной сухости в глазах.

Он бросился к лестнице, ведущей наверх. Дверь в подвал была другая. Старая, обитая вытертым дерматином, с массивной латунной ручкой. Николай толкнул ее.

Дверь открылась в коридор первого этажа. Здесь пахло мастикой для пола, старыми бумагами и вареной капустой из столовой. Коридор был выкрашен в тот же казенный салатовый цвет. На стене висел стенд «Передовики социалистического соревнования». Под ним стоял фikus в деревянной кадке.

Николай, не чувствуя холода, вышел в коридор. Его ноги ступали по мягкой, пружинящей дорожке. Из-за угла вышла полная женщина в синем рабочем халате, с ведром и тряпкой. Увидев абсолютно голого, высокого мужчину с безумными глазами, она взвизгнула, выронила ведро, и грязная вода растеклась по линолеуму. — Господи! — выдохнула она, крестясь. — Ты кто такой? Охрана!

Николай отшатнулся. Он не понимал языка, на котором она кричала. Вернее, он понимал слова, но они казались ему чужими, устаревшими. «Охрана». «Господи». Он развернулся и бросился обратно в подвал.

Влетев внутрь, он захлопнул дверь и привалился к ней спиной, тяжело дыша. Он посмотрел на центр комнаты. Там, на том самом месте, где должна была стоять их кабина, накрытая пыльным брезентом, возвышался массивный деревянный ящик. На нем висел большой амбарный замок.

Николай подошел к нему на подкашивающихся ногах. Он провел рукой по доскам. Сухое, старое дерево. Он обошел ящик. С другой стороны, на стене, там, где у них висела доска с формулами, висела старая физическая карта СССР. И только в одном углу, на бетонном выступе, где они хранили свои инструменты, стояла картонная коробка. Из нее торчал угол пожелтевшей газеты.

Николай схватил газету. «Правда». Вторник, 14 октября 1986 года.

Его затрясло. Он сполз по стене на пол, сжимая в руках пыльный лист. Тридцать восемь лет. Алиса отправила его на тридцать восемь лет назад.

«Шампунь, — пронеслось в его голове. — Якорь. Сто сорок два грамма». Но он просил вернуть его на сутки. На двадцать четыре часа назад, чтобы проверить протокол. Машина не ошиблась. Ошибся он.

Его мозг, перегруженный транквилизатором и стрессом, в момент перехода потерял фокус. Когда Алиса скомандовала «Держись за него», он в последнюю секунду подумал не о флаконе. В панике, пытаясь зацепиться за реальность, он подумал о самом безопасном, самом стабильном месте, которое знал. О лаборатории. Но не о той, что была вчера, а о той, с которой все начиналось. О подвале, который они нашли три года назад, когда только начинали воровать оборудование. О подвале, который был таким, каким его оставил Советский Союз.

Машина считала не только его массу. Она считала его мысли. И она отправила его в то место и время, о котором он подумал в пиковый момент сингулярности.

Николай сидел на холодном линолеуме 1986 года, голый, с газетой «Правда» в руках, и осознавал масштабы катастрофы. Алиса осталась в будущем. В их времени. Она сидит сейчас там, в темноте, смотрит на пустую кабину и думает, что он погиб. Что его разорвало на атомы. Она не сможет его вытащить. Она не знает, где он. А даже если бы знала, у нее нет машины времени. Она осталась в том времени, где они только-только отправили в прошлое крысу.

Николай сжал кулаки. Боль в костяшках привела его в чувство. Паника — это смерть. Энтропия. Математика — это жизнь. Порядок.

Он заставил себя встать. Итак, он в 1986 году. В подвале советского НИИ. Он голый. Через несколько минут сюда ворвется охрана, и его либо пристрелят как шпиона, либо упекут в психушку, где он проведет остаток своих дней, рисуя формулы на стенах.

Но он не один. Он посмотрел на душевой поддон. Кабины не было. Но основание-то осталось. Их машина была замаскирована под кабину. Но сама установка — ротор, статор, контуры охлаждения — находилась *под* полом. В бетонной стяжке. Они вырезали пол, чтобы установить свою машину, а сверху просто поставили купленный в магазине акриловый каркас.

Николай бросился к тому месту, где стояла кабина. Он упал на колени и начал скрести линолеум. Старый советский клей поддавался плохо. Николай рвал его пальцами, ломая ногти, не чувствуя боли. Он отогнул край линолеума. Под ним был бетон. И в этом бетоне, идеально по центру, зияло круглое отверстие, залитое их современным, серебристым полимерным герметиком.

Они залили основание кабины, чтобы оно стояло намертво. Николай начал колотить по бетону кулаком. Полимерная пробка треснула. Он выгреб осколки. Внизу, в темноте, тускло блеснул хром.

Это была их машина. Его машина. Ротор. Статор. Обрывки их проводов, уходящих в никуда — в 2024 год, которого здесь еще не существовало. У него есть сердце машины. Но у него нет пульта. Нет компьютера. Нет Алисы.

Николай огляделся. Его взгляд упал на картонную коробку. Он бросился к ней. Внутри, среди ветоши, лежал старый советский паяльник, моток медной проволоки и коробка с радиолампами. Этого мало. Но это начало.

Он услышал тяжелые шаги в коридоре. Дверь содрогнулась от удара. — Открывай! Охрана объекта!

Николай заметался. Он не может выйти. Он не может объяснить. Он бросился обратно к открытому люку в полу. У него есть только один путь. Вниз. Вниз, к машине.

Он спрыгнул в технический лаз под полом. Здесь было тесно, пахло сырой землей и озоном — его собственным, застоявшимся озоном из их времени. Он нащупал в темноте основание ротора. «Хорошо, — подумал он, стараясь унять панику. — У меня есть железо. У меня есть законы физики, которые не меняются от смены генсека. И у меня есть тридцать восемь лет форы перед теми, кто сейчас ломает дверь».

Сверху в дверь подвала уже били чем-то тяжелым. Дерево трещало. Николай нащупал в кармане штанов комбинезона, брошенного Алисой на бильярдный стол, маленький предмет. Это была зажигалка. Обычная пластиковая зажигалка, которую он машинально сунул в карман перед дегидратацией. Времени на расчеты не было.

Он выбрался из лаза обратно в подвал, сжимая зажигалку. Охрана уже высадила дверь. В проеме показались люди в форме ВОХР с автоматами Калашникова. — Стоять! Руки за голову!

Николай не стоял. Он бросился к деревянному ящику в центре комнаты, на который они не обратили внимания. Он ударил по нему плечом. Доски затрещали. Он бил снова и

снова, вкладывая в удары всю массу своего высокого, обезвоженного тела. Ящик развалился с оглушительным треском.

Внутри, переливаясь в тусклом свете лампы, лежали они. Слитки. Золотые слитки. Двадцать штук.

Николай замер. Он смотрел на золото, потом на автоматы, потом на свои руки. В голове, очищенной от страха, шелкнула формула. Точка входа. Они нашли этот подвал три года назад. Они знали, что в конце восьмидесятых, перед самым крахом Союза, из НИИ массово воровали все — от осциллографов до драгметаллов. Кто-то из сотрудников, видимо, спрятал здесь золото, надеясь вернуться за ним, но не успел.

— Не двигаться! — крикнул старший охранник.

Николай медленно поднял руки. Но смотрел он не на автоматы. Он смотрел на золото. У него появился план. Самый безумный, самый дерзкий план в истории человечества.

— Я безоружен, — громко и четко сказал он, глядя прямо в глаза автоматчику. — Я ученый. Я провалился в этот подвал из будущего. И если вы меня пристрелите, вы никогда не узнаете, как работает эта штука.

Он кивнул на основание в полу. Автоматчики переглянулись. Они были простыми парнями с ВОХР, их не учили общаться с голыми сумасшедшими, рассуждающими о будущем. — Лицом к стене! — скомандовал старший, но в его голосе уже не было прежней уверенности. Золото и голый физик из будущего — это было слишком даже для конца советской эпохи.

Николай медленно, не делая резких движений, повернулся к стене. «Шампунь», — напомнил он себе, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику. «Держись за якорь». Но теперь он знал главное правило. Природа не терпит пустоты. Но она чертовски любит золото.

Алиса ударила кулаком по монитору. Монитор, к его чести, выдержал. А вот костяшки пальцев — нет. Она сорвала с головы нейроинтерфейсные датчики. Кабина была пуста. Абсолютно пуста. Датчики жизненного цикла, которые они закрепили на теле Николая перед входом, показывали ноль. Полное отсутствие биомассы в радиусе действия.

— Коля, — прошептала она в гулкую тишину подвала. — Нет. Только не распад. Пожалуйста, только не распад.

Она бросилась к пульту. Ее мозг работал на пределе, просчитывая терабайты данных. «Сброс прошел штатно. Поле схлопнулось. Обратной волны не было. Значит, он не сгорел. Значит, он материализовался». Но где? Она посмотрела на таймер. Тест должен был откатить время на 24 часа. 15:42 вчерашнего дня. Сейчас на ее часах было 15:45. Кабина сработала. Она выплюнула объект. Но Николая здесь не было.

Алиса упала в кресло. Ее трясло. Она убила его. Из-за своей гордыни, из-за своего проклятого стремления все контролировать, она отправила единственного человека, который имел для нее значение, в мясорубку времени. Она сидела так, наверное, час. Вокруг нее мигали красные диоды тревоги. Система охлаждения перегревалась.

Вдруг один из старых осциллографов, подключенных к контуру заземления, издал странный звук. Тонкая игла самописца, которая должна была лежать на нуле, дернулась. Алиса вскинула голову. Она подошла к прибору. Игла рисовала слабый, едва заметный синусоидальный фон. Это был шум. Ради шум. Но он шел не из эфира. Он шел из *бетона*.

Алиса бросилась к тому месту, где стоял Николай. Она упала на колени и прижала ухо к полу. Тишина. Но ее пальцы, положенные на бетон, чувствовали странную, почти неуловимую вибрацию. Не гудение моторов. Что-то другое. Ритмичное. Тук-тук. Пауза. Тук-тук-тук. Азбука Морзе.

S-O-S.

Сигнал шел из-под земли. Из глубины. Алиса метнулась к верстаку. Она схватила тяжелый молоток и зубило. — Прости, — прошептала она, обращаясь то ли к Коле, то ли к законам физики. — Я сейчас все исправлю.

Она начала крошить бетон. Искры летели во все стороны. Пыль забивала легкие. Она не чувствовала усталости. Она была не человеком, а функцией. Функцией спасения. Она била по бетону, пока не пробила дыру в их технический лаз. Она посветила туда фонариком. Внизу, в грязи, среди оборванных проводов их машины, она увидела его. Он был там. Внизу.

Алиса облегченно выдохнула, но тут же замерла. Она посмотрела на стены подвала. На потолок. Если он там, внизу, и подает сигнал... значит, кабина сработала не так. Она подбежала к пульта. Вывела на главный экран лог-файл перехода. Читать его было тяжело, строки плыли перед глазами. Она впиалась взглядом в координаты точки выхода.

— Нет, — выдохнула она. — Нет-нет-нет.

Она ошиблась. В расчетах энтропийного пика. Когда она нажала «Сброс», система, пытаясь компенсировать микро-скачок напряжения, который Николай даже не почувствовал, выдала погрешность в векторной сетке. Не на 24 часа назад. На 13 870 дней назад. На тридцать восемь лет.

Алиса осела на пол, прямо в бетонную крошку. Он один. В 1986 году. Без одежды. Без воды. Без защиты. А она здесь. С машиной.

Она посмотрела на пульт. На дымящиеся контуры. «У природы есть свои законы», — сказал Николай перед входом. Закон сохранения биологического времени. Закон сохранения массы. И закон эквивалентного обмена.

Чтобы вытащить объект массой 80 килограмм из 1986 года в 2024-й, нужна прорва энергии. И прорва времени. Алиса посмотрела на свои руки. Затем на флакон шампуня, который так и стоял на корпuse.

Она не может просто нажать кнопку. Если она откроет портал сейчас, чтобы забрать его, поле может быть нестабильным. Оно может затянуть сюда половину подвала. Или выбросить его в стратосферу. Ей нужно стабилизировать контур. А на это уйдет время.

Алиса подняла голову. Ее серые глаза снова стали сухими и жесткими. Она посмотрела на счетчик биологического времени, который они установили для контроля «Эффекта Вертера». Их собственный счетчик. У Николая там, в прошлом, время идет. Каждая секунда приближает его к встрече с КГБ или к смерти от переохлаждения. Каждая секунда здесь — это секунда, которую он тратит *там*.

Она посмотрела на золото, которое Николай, сам того не осознавая, выбил из ящика перед тем, как его скрутили. Золото, которое теперь, наверное, изъяли сотрудники госбезопасности. Ничего. Это всего лишь металл.

Алиса стерла с лица слезы и бетонную пыль. Она подошла к пульта. — Правила игры изменились, — сказала она в пустой подвал. — Никаких больше крыс.

Она села за клавиатуру. Ее пальцы забегали по клавишам с бешеной скоростью. Если Николай один в 1986 году, он будет выживать. Он умный. Он найдет способ подать знак. Но чтобы вытащить его, ей придется нарушить второе правило. Правило предела.

Ей придется отматывать время не на сутки. Ей придется отматывать его на недели. Месяцы. Ей придется прожить этот месяц снова, и снова, и снова, пока она не подберет идеальные параметры, чтобы вытащить его целым. И каждый раз, когда она будет нажимать «Сброс», ее собственный счетчик биологического времени будет обнулять эти дни.

Она потеряет месяц жизни. Или два. Или год. Но она вытащит его.

Алиса ввела первую команду. \$ sudo ./initiate_primary_pump.sh Target date: 14 October 1986. Mass: 82 kg. Warning: Chronal field instability. Override? (y/n)

Ее палец завис над клавишей. Она посмотрела на пустую душевую кабину. На место, где только что стоял он. — Да, — прошептала она.

Она ударила по клавише. у

Гул трансформаторов в подвале начал нарастать, становясь с каждой секундой все ниже и страшнее. Машина времени просыпалась, готовясь проглотить целый месяц ради спасения одного человека.

А за триста километров от этого места, в холодном подвале другого НИИ, октябрьским вечером 1986 года, голый мужчина по имени Николай смотрел на направленный на него автомат Калашникова и впервые в жизни искренне улыбался. Потому что он только что понял самое главное правило этой игры. У них с Алисой не было лимита. Потому что пока один из них сидит у пульта, смерти не существует. Есть только кнопка «Назад».

И он был абсолютно уверен, что его сумасшедшая, гениальная, невыносимая напарница нажмет ее столько раз, сколько потребуется. *[words: 3001]*

Глава 3. Тень Анастасии

Пластиковый стул был самым неудобным изобретением человечества. Тонкая спинка впивалась между лопаток, а сиденье врезалось в бедра, заставляя постоянно ерзать. Николай ненавидел этот стул. Он ненавидел запах хлорки, которым провоняли больничные коридоры, ненавидел тусклый желтый свет плафонов, которые, казалось, гудели в унисон с его зубной болью.

Но больше всего он ненавидел дверь с табличкой «Реанимационное отделение. Посторонним вход воспрещен».

За этой дверью, год назад, исчезла его жизнь.

— Кофе? — Алиса протянула ему пластиковый стаканчик. Жидкость внутри была бурой, маслянистой и, вероятно, могла растворять гвозди.

Николай взял стаканчик просто потому, что его руки должны были что-то держать, иначе они бы начали трястись. Он даже не поднес его к губам. — Она не должна была быть в той машине, — в сотый раз за вечер произнес он. Голос звучал глухо, словно забитый ватой.

— Я знаю, — тихо ответила Алиса. Она сидела на соседнем стуле, подобрав под себя ноги. В отличие от Николая, она не выглядела сломленной. Она выглядела пустой. Как пересохший колодец. Ее серые глаза смотрели в одну точку — на дверную ручку реанимации.

Год назад. 14 ноября. Анастасия смеялась. Она всегда смеялась, когда Николай пытался быть серьезным. — Ты будешь брать зонт? — спросил он, завязывая шнурки. — Ты посмотри в окно, Коля! — она подошла сзади, обняла его за плечи, утыкаясь носом в его макушку. От ее волос пахло дождем и яблоками. — Там солнце. Ты просто хочешь, чтобы я выглядела как городская сумасшедшая с тростью. — Там низкая облачность, — упрямо буркнул он, разгибаясь. — И атмосферное давление падает. Будет ливень. — Ты невыносимый зануда, — она поцеловала его в висок. — Я ушла. Вернусь через час, заберу документы из деканата. Не паяй ничего взрывоопасного.

Дверь захлопнулась. Николай помнил этот звук. Сухой, деревянный хлопок старой «хрущевки». Он подошел к окну. На улице действительно было солнце. Яркое, обманчивое ноябрьское солнце. Николай стоял у окна десять минут. Он смотрел на перекресток. Он видел, как Анастасия вышла из подъезда. Видел, как она достала телефон, чтобы кому-то написать. Видел, как на огромной скорости, игнорируя красный свет светофора, вылетел черный внедорожник.

Николай не закричал. Он вообще не издал ни звука. Он просто смотрел, как физика — бездушная, слепая механика — превращает любимое тело в тряпичную куклу, подброшенную в воздух инерцией удара. Внедорожник скрылся. Анастасия осталась лежать на мокром асфальте.

Следователь потом назовет это «несчастливым случаем». Водитель внедорожника — сын какого-то чиновника — был пьян, но благодаря связям дело закрыли за отсутствием состава преступления. «Эффект аквапланирования на луже». «Отказ тормозной системы». «Пешеход переходил в неположенном месте». Ложь, наспех собранная из канцелярских штампов.

— Я мог ее спасти, — сказал Николай в пластиковую бурду, которую Алиса называла кофе. — Как? — Алиса не повернула головы. — Выскочить из окна? Ты на пятом этаже. — Я должен был знать. Я должен был почувствовать. Я физик. Я работаю со временем. Я должен был увидеть эту чертову сингулярность в ее судьбе. — Ты не Бог, Коля. Ты просто парень, который слишком много времени проводит в подвале.

Они познакомились с Алисой на поминках. Это было самое неловкое и самое правильное событие в их жизни. Алиса стояла у окна в зале для прощаний, точно в такой же позе — руки скрещены на груди, взгляд в пустоту. Ее парень, Артем, сторел заживо месяц назад. Обруше-

ние перекрытий в старом доходном доме, который он исследовал как архитектор-реставратор. Обугленное тело опознали по зубным коронкам.

— Они говорят, он не мучился, — сказал тогда Николай, подходя к ней. Он не знал, что говорить в таких случаях, и ляпнул первое, что пришло в голову. — Говорят, смерть от дыма наступает быстро. — Они врут, — ответила Алиса, даже не посмотрев на него. — Я читала протоколы вскрытия. У него были сломаны ребра. Он пытался дышать, когда на нем уже горел бетон. Он умирал медленно.

В этом «он умирал медленно» было столько холодной, математической ярости, что Николай впервые за неделю почувствовал что-то, кроме собственной оглушающей пустоты.

— Хочешь увидеть, как это работает? — спросил он ее через неделю, когда они сидели в его съемной квартире, заваленной чертежами. — Машина времени? — она усмехнулась уголком губ. — Хочешь вернуться и убить того водилу до того, как он получил права? — Хочу отменить звонок.

Алиса посмотрела на него. — Какой звонок? — Тот, который она сделала. Или сообщение. Она отвлеклась на телефон. На полсекунды. Если бы она подняла голову на полсекунды раньше, она бы увидела свет фар. Если бы она задержалась на пороге, чтобы завязать шнурок...

Алиса долго молчала. — Это не отменит его, — наконец сказала она. — Если мы спасем ее, твой мир изменится. Ты можешь проснуться, и у тебя будет другая девушка. Другая жизнь. А той Анастасии, которую ты любил, никогда не существовало. — Мне плевать, — голос Николая дрогнул. — Мне нужна она. Живая. Пусть даже она не будет знать моего имени. Я просто хочу, чтобы она дышала.

Тогда Алиса кивнула. — Хорошо. Но сначала мы вытащим Артема.

Настоящее. Подвал.

Николай моргнул, возвращаясь в реальность. Тусклый свет ламп дневного света резал глаза. — Мы не можем, — сказал он.

Они сидели на полу, прислонившись спина к спине к холодному основанию ротора. Это был их первый вечер после возвращения Николая из 1986 года. Его тогда продержали в отделении КГБ трое суток, принимая за сумасшедшего шпиона, пока он не начал цитировать секретные доклады Политбюро, которые еще не были написаны. Золото, которое он вышиб из ящика, конфисковали, но его самого в итоге просто выкинули на улицу — советская система не любила непонятное и предпочитала делать вид, что его не существует.

— Почему? — Алиса, сидевшая спиной к нему, не шевельнулась. — Лимит, — Николай потер лицо руками. — Мы исчерпали лимит на тесты. Вертер сдох на семнадцатой итерации. Мы не знаем, сколько выдержит человеческий мозг. — Мы выдержали, — возразила Алиса. — Мы с тобой прыгали. Я вытаскивала тебя из 1986-го. Моя нейронная сеть на месте. Твоя, судя по количеству идиотских вопросов, тоже функционирует. — Это были короткие прыжки! — Николай повысил голос, и он эхом отразился от бетонных сводов. — На сутки! На месяц! Мы отматывали время, чтобы исправить ошибку в расчетах. Но прыжок на год... Алиса, это не ошибка. Это полное стирание сегмента. Чтобы вытащить Анастасию, мне нужно вернуться на 365 дней. Это колоссальная масса. Это колоссальная энтропия. — Значит, мы усилим контур «Ц», — она повернула голову. В полумраке ее глаза казались черными. — У нас есть золото. — Которое осталось в восемьдесят шестом! — Николай ударил кулаком по полу. Боль была острой, отрезвляющей. — У нас нет денег. У нас нет материалов. У нас есть старый НИИ, ворованное электричество и счетчик, который тикает.

Он развернулся и схватил ее за плечи. — Послушай меня. Если мы сделаем это... если мы прыгнем на год назад... мы потратим почти весь наш биологический лимит. «Эффект Вертера». Мы станем ходячими мертвецами. Любая простуда, любой порез, любая лишняя секунда —

и мы просто осыплемся прахом. — Значит, будем беречь себя, — спокойно сказала Алиса, снимая его руки со своих плеч. — Мы физики, Коля. Мы рассчитаем каждый свой вдох.

Николай смотрел на нее и видел то, что скрывалось за этой ледяной броней. — Ты хочешь спасти Артема, — тихо сказал он. — Я хочу справедливости, — ее голос стал жестким. — Твой водила скрылся. Мой архитектор просто оказался не в том месте. Это нечестно. — Алиса, мы не можем спасти обоих. Математика не врет. Один массовый переход на год назад. Или два перехода на год назад. Второй сожжет наши контуры, а нас самих превратит в радиоактивный пепел.

Алиса поднялась. Она подошла к душевой кабине и провела рукой по треснувшему акрилу. — Мы не будем делать два перехода, — сказала она, не оборачиваясь. — Мы сделаем один. — Что? — Мы не будем разделять события. Смерть Анастасии и смерть Артема произошли с разницей в месяц. Артем погиб 15 октября. Анастасия — 14 ноября.

Николай замер. Его мозг, привыкший к многомерным вычислениям, начал лихорадочно строить векторы. — Точка входа... — прошептал он. — Точка входа — 14 октября, — закончила за него Алиса. — Ровно за месяц до гибели Насти и за день до гибели Артема. Мы прыгаем туда. У нас есть тридцать один день. Мы спасаем Артема. А потом, когда придет время, мы спасаем Анастасию.

Николай медленно встал. Его колени затекли. — Это невозможно. Мы не можем находиться в прошлом месяц. Мы выдадим себя. Нас найдут. Нас убьют. Или мы сами во что-нибудь врежемся. Парадокс... — Не будет никакого парадокса, если мы будем действовать хирургически, — Алиса начала ходить по подвалу, ее движения стали резкими, хищными. Это был ее режим «штурм», когда она превращалась в чистый алгоритм. — Мы не будем менять мир. Мы будем менять детали. Артем — архитектор. Он работал на объекте «Дом на Язуе». Мы знаем график его дежурств. Мы знаем, что в день обрушения он должен был остаться на объекте на ночь из-за задержки поставок цемента, но в последний момент ему позвонила его мать и попросила привезти лекарства. Мы перехватим этот звонок. Мы сделаем так, чтобы он уехал в пять вечера. Он будет жив. — А Анастасия? — А Анастасию мы просто не пустим на тот перекресток, — Алиса остановилась и посмотрела на него в упор. — Это идеальный план. Мы убьем двух зайцев одним хронологическим прыжком.

Николай смотрел на нее, и животный ужас смешивался в нем с восторгом. Она была безумна. Она была абсолютно, пугающе гениальна. — Ты понимаешь, что мы станем богами? — спросил он. — Мы будем держать их жизни в руках. Каждый их шаг. — Я не хочу быть богом, — отрезала Алиса. — Я хочу быть девочкой, которая спит в воскресенье утром, потому что ее парень принес ей кофе в постель. Я хочу вернуть свое. Ты хочешь вернуть свое. Где здесь место для гордыни?

Она была права. Это не было амбициями. Это была голая, кровоточащая необходимость. — Нам нужно подготовить базу, — сказал Николай. Голос его внезапно стал спокойным, деловым. — Если мы живем там месяц, нам нужны документы. Деньги. Нам нужно легализоваться в октябре прошлого года. — У нас есть доступ к реестрам, — кивнула Алиса. — Мы создадим себе личности. Тихие, неприметные. Николай и Алиса. Брат и сестра. Инвалиды детства, живут на пособие, редко выходят из квартиры. Идеальное прикрытие. — Слишком много бюрократии. Любая проверка... — Не будет проверок, — она улыбнулась, и эта улыбка была страшной. — Мы же теперь знаем, как работает время. Если комендант общежития начнет задавать вопросы, мы просто отмотаем день назад и придем с правильными справками.

Николай устало потер переносицу. — Хорошо. План принимается. Но есть условие. — Какое? — Никакого Артема, — твердо сказал Николай. — Мы спасаем его, но мы не встречаемся с ним. Мы не говорим ему, кто мы. Мы просто нажимаем кнопку. — Согласна, — тут же кивнула Алиса. — Никаких контактов. Эффект бабочки. Одно лишнее слово, и Настя может попасть под машину на неделю раньше. — И еще, — Николай подошел к ней вплотную. —

Когда мы это сделаем... когда мы вернемся в наше время... все может быть иначе. Мы можем не помнить друг друга. Можем быть врагами. Можем вообще не существовать. — Мы будем существовать, — Алиса взяла его лицо в свои ладони. Ее пальцы были ледяными. — Потому что мы — константы. Мы — те, кто построил эту машину. Даже если мы не вспомним, как сидели в этом подвале, наши руки все равно соберут эти платы. Наши уравнения все равно приведут нас сюда. Мы найдем друг друга.

Она привсталась на цыпочки и поцеловала его. Это не был поцелуй страсти. Это был поцелуй перед расстрелом. Сухой, соленый от пота и страха, отчаянный. Поцелуй двух людей, которые прыгают в бездну, надеясь, что на дне их поймают собственные руки.

Николай ответил на поцелуй, притягивая ее к себе, чувствуя острые кости ее спины. В этом грязном, холодном подвале, пахнущем смертью крыс и озоном, они впервые стали больше, чем просто коллегами-изгоями. Они стали сообщниками. Соучастниками преступления против Вселенной.

Подготовка заняла две недели.

Это были самые странные две недели в их жизни. Они жили в состоянии лихорадочного, извращенного счастья. Николай писал код. Он создавал их новую личность. Внедряться в базы данных ЗАГС восьмидесятых годов оказалось на удивление просто — советская бюрократия была громоздкой, но хрупкой, как сухое печенье. Николай Сергеевич Волков и Алиса Сергеевна Волкова. Родились в городе Горьком. Родители погибли в автокатастрофе. Опекуны неизвестны. Инвалидность второй группы по состоянию опорно-двигательного аппарата (для этого им пришлось научиться хромать и купить трости в магазине «Медтехника»).

— Зачем инвалидность? — спросил Николай, пытаясь изобразить косолапую походку и чуть не падая. — Чтобы объяснить отсутствие трудовой книжки и социальных связей, — ответила Алиса, не отрываясь от паяльника. Она собирала портативный хроно-модуль. Маленькое устройство, которое они смогут носить с собой в прошлом. — Инвалид сидит дома. Никто не спрашивает, почему он не ходит на работу. Никто не удивляется, что от него пахнет озоном.

Они закупили оборудование. Продавали свои современные гаджеты барыгам на радио-рынках, получая за смартфоны и ноутбуки смешные деньги, на которые покупали советские компоненты. — Смотри, — Николай протянул ей микросхему. — КТ315. Мечта паяльщика. — Мусор, — фыркнула Алиса, но бережно убрала транзистор в контейнер. — Но в 1985 году за такую пайку нас примут в НИИ без экзаменов.

Они писали инструкции. Тома инструкций. «Правило № 42: Не смотреть в глаза майору КГБ Сидорову. Если посмотрел — отматывай день». «Правило № 89: Не покупать хлеб после шести вечера. Очереди слишком длинные, риск демаскировки». «Правило № 1: Никакого будущего сленга. Никаких слов "окей", "компьютер" или "дедлайн"».

Самым сложным было прощание. Они прощались с миром, который сами же собирались уничтожить. Николай стоял перед окном их подвала, выходящим на вентиляционную шахту. — Знаешь, — сказал он, — мне будет не хватать этого запаха. Озона и сырости. — Мне будет не хватать крыс, — съязвила Алиса, проверяя заряд батарей. — Они были самыми благодарными нашими зрителями.

За день до прыжка они сидели на бильярдном столе, свесив ноги, и ели лапшу быстрого приготовления. Это был их последний ужин в «настоящем» времени. — А если мы не сможем спасти обоих? — вдруг спросил Николай. — Если нам придется выбирать?

Алиса перестала жевать. Она долго смотрела на свои руки. — Мы не будем выбирать, — сказала она наконец. — Мы просто сделаем мир таким, каким он должен быть. — Какой он? — Справедливый, — она посмотрела на него, и в ее глазах стояла такая боль, что Николаю захотелось отвернуться. — Тот, где матери не хоронят детей.

Ночь перед прыжком они не спали. Они занесли в кабину все необходимое: деньги, советские паспорта Волковых, одежду по моде восьмидесятых (купленную в секонд-хендах и составленную), аптечку и портативный хроно-модуль в титановом корпусе.

Алиса ввела координаты. — 14 октября, — сказала она. — 05:00 утра. Пустырь за НИИ. Там нас никто не увидит. — 05:00, — кивнул Николай. — Мы успеем перехватить Артема. Его смена начинается в восемь, но он всегда приходит раньше.

Алиса подошла к нему. Она была одета в бесформенное пальто с чужого плеча. В этом наряде она выглядела как потерявшийся подросток. — Последний шанс передумать, — сказала она. — Останемся здесь. Будем жечь крыс. — Чтобы я еще раз слушал твои предложения? — Николай слабо улыбнулся. — Идем. Я хочу увидеть, как она улыбается.

Они шагнули в кабину. Алиса закрыла дверцу. — Якорь? — спросила она, кладя руку на рубильник. — Солнце, — ответил Николай. — То утро, когда мы нашли этот подвал. Помнишь? Светило прямо в эту вентиляционную шахту.

— Принято, — голос Алисы дрогнул. — Протокол «Возмездие». Иницирую.

Она ударила по рубильнику.

Гул на этот раз был другим. Он не просто вибрировал в зубах. Он вибрировал в костном мозге. Николай почувствовал, как его начинает выворачивать наизнанку. Это была не сингулярность. Это был разрыв. Пространство вокруг кабины перестало существовать. Стены подвала, бетон, свинцовые кабели — все это свернулось в тонкую серую нить, а затем исчезло.

Николай закрыл глаза, вцепившись в поручень. «Солнце, — повторял он про себя. — Свет в шахте. Пустырь. Октябрь».

Боль стала невыносимой. Ему казалось, что его кости плавятся, а кровь закипает. Он хотел закричать, но легкие отказали. А потом свет ударил по векам.

Воздух пах иначе. Не озоном. Не сыростью. Он пах бензином, прелой листвой и дымом с ближайшей ТЭЦ.

Николай сделал судорожный вдох. Холодный, острый, сладкий. Он открыл глаза.

Никакого подвала. Под ногами — мокрая, пожухлая трава. Над головой — низкое, серое небо. Вокруг — бетонный забор с колючей проволокой и остов недостроенного здания.

— Алиса? — прохрипел он.

Она сползала по стенке кабины на землю. Ее лицо было белым, как бумага, но глаза уже лихорадочно блестели. — Жива, — выдохнула она. — Контуры... портативный модуль... на месте.

Она похлопала по карману пальто, где лежал титановый ящик. Николай помог ей встать. Его ноги дрожали. Они стояли на пустыре. Вокруг не было ни души. Только вороны орали на ржавой арматуре. — Пять утра, — Алиса посмотрела на свои часы. — Мы на месте.

Николай посмотрел на свои руки. Чистые. Ни следа от паяльника. Он ощупал лицо. Гладкая кожа. Ни морщин, ни щетины. Ему снова двадцать девять. — Работает, — прошептал он.

Алиса достала из сумки старую газету. «Вечерняя Москва». 14 октября. Год — прошлогодний. — Идем, — сказала она, закидывая ремень сумки на плечо. — Нам нужно успеть на вокзал.

Они вышли с пустыря на улицу. Город, который они оставили год назад, был на месте, но он был... свежим. Рекламные вывески не выгорели на солнце. Краска на домах была яркой. Машины — грязными, но не ржавыми. Люди на остановке были одеты в нелепые, громоздкие куртки. У женщины в руках — авоська с апельсинами.

Николая прошиб холодный пот. Это не его мир. Это музей. — Не смотри так, — процедила Алиса сквозь зубы, одергивая свое дурацкое пальто. — Ты пялишься, как идиот. Мы — инвалиды. Мы напуганы. Нам все странно.

Они сели в скрипучий ЛиАЗ. Николай смотрел в окно на проплывающие мимо витрины. Он видел плакаты с Леоновым, афиши фильма «Любовь и голуби». — Мы опоздали, — вдруг севшим голосом сказал он.

Алиса напряглась. — Что? — Смотри.

Николай смотрел на электронное табло на крыше универмага. Оно было старым, на лампах накаливания, но цифры горели четко. 14 октября. И год. 1984.

Алиса побледнела еще сильнее, хотя это казалось невозможным. — Я ввела восемьдесят пятый... — прошептала она. — Я клянусь, Коля, я ввела октябрь восемьдесят пятого. Я проверяла трижды. — Погрешность, — глухо сказал Николай. — Масс-детектор. Или гравитационный градиент. Машина выбросила нас на год раньше.

ЛиАЗ дернулся и остановился. — Улица Строителей! — крикнула кондукторша. — Конечная!

Они вышли. Год. Целый год. — Это меняет все, — Алиса прислонилась к фонарному столбу. — Артем еще даже не закончил институт. Анастасия... она нас даже не знает. Мы здесь на год раньше.

Николай посмотрел на серое небо. — Значит, у нас есть не месяц, — медленно проговорил он. — У нас есть год и месяц. — Нас посадят, — прошептала Алиса. — Два молодых инвалида без родственников, с деньгами, появившиеся из ниоткуда за год до... — Нас не посадят, — Николай взял ее за руку. Его ладонь была горячее. — Потому что мы теперь знаем будущее. Мы знаем, где упадет доллар. Мы знаем, кто победит на выборах. Мы знаем, где закопано золото.

Он посмотрел на нее, и в его глазах больше не было страха. Только безграничное, пугающее спокойствие. — Мы не просто спасем их, Алиса. Мы подготовим плацдарм. Мы станем самыми богатыми и влиятельными людьми в этой стране. Когда придет время, никто не посмеет встать между нами и их спасением.

Алиса смотрела на него, и страх в ее глазах медленно сменялся пониманием. А затем — таким же хищным, холодным азартом. — Ты предлагаешь... — Я предлагаю сыграть в Бога по-настоящему, — сказал Николай. — Раз уж нас выкинуло так далеко. Идем. Нам нужно найти квартиру. И купить акции «Майкрософт».

Они пошли по улице, два призрака из будущего, затерявшиеся в прошлом. В кармане Николая лежал советский паспорт на имя Николая Волкова, а в груди впервые за год билось сердце, не отягощенное виной.

Они еще не знали, что в десяти кварталах от них, в общежитии архитектурного института, молодой студент Артем только что выключил будильник, чтобы поспать еще пять минут, не ведая, что его смерть уже была отменена. И что в другом конце города, в маленькой кофейне, девушка по имени Анастасия смеется над шуткой подруги, и ее смех звенит в утреннем воздухе, как самое прекрасное уравнение во Вселенной.

Игра только началась. [words: 2997]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.